

Порто-Ленто. Куда уходит вода

Евгений Павлов

Евгений Павлов

Порто-Ленто. Куда уходит вода.

<https://litres.ru/74477844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Италия, 1956. После шторма на мысе находят мёртвого Тито Пареди — старшего артели, человека, который держал город за руку. Несчастный случай, решают все.

Но почтальон Микеле запомнил: в его сжатом кулаке была тёмная земля и лиловый вереск. А на каменных скалах, где лежало тело, ничего не растёт.

В дело тихо вмешивается синьора Нора, чужачка из Милана с блокнотом и лупой. Она учит Микеле читать город иначе: по запаху базилика, по очереди за водой, по молчанию в баре.

Вместе они раскручивают клубок из телеграмм, расписок и каштановых человечков — и понимают, что в Порто-Ленто правда течёт, как вода: по записи, по очереди, из рук в руки.

Уютный детектив для медленного чтения об итальянской осени, которую невозможно забыть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евгений Павлов
Порто-Ленто.
Куда уходит вода.

Пролог

Меня зовут Микеле, я почтальон. Вернее, был им тридцать один год, и все — в Порто-Ленто, и если вы никогда не слышали такого города, то всё правильно: он не на открытках, не на железной дороге, и автобус до него идёт столько, что за это время успеваешь передумать туда ехать. Наш берег — тот, что между Генуей и Специей, — весь в городах, про которые написаны книги; наш не в их числе. У нас просто жили люди, ходили в море, поливали террасы и умирали вовремя, — а раз так, то и писать вроде бы не о чем.

А я вот сел писать. Стар для этого: руки уже не те, что разбирали сорок тысяч писем в год. Но случилось так, что в мои руки пришёл чужой дневник, и пришла пора сказать правду о том, что случилось у нас осенью пятьдесят шестого года, — правду, которую мы тогда несли, как несут воду в гору: осторожно, по очереди, стараясь не расплескать.

Я не писатель, и это будет видно. Зато я почтальон, а это значит две вещи. Первая: я умею не читать чужого. Вторая: я умею помнить, кому что адресовано. Всё, что я расскажу дальше, я либо видел сам, либо слышал от тех, кто видел, — и всякий раз скажу, от кого слышал, потому что почтальон без адреса — не почтальон, а сплетник. Где я ошибусь — не судите строго: прошло тридцать один год, город переменялся, людей половина нет, а память, как наша вода, идёт, где хочет.

Ещё два слова, прежде чем начать. Не ищите в этой исто-

рии злодея — вы его не найдёте, я искал дольше вас. И не ждите, что в конце всё объяснится: объяснится всё, кроме главного, а главное в наших местах не объясняется, а поливается. Кто дочитает до конца — тот поймёт, что я имею в виду, и простит мне эту загадку.

Начнём с конца лета, с первого воскресенья сентября, когда уезжают летние, и город, проводив их, вздыхает, разгибается и становится снова нашим.

Глава 1

Первое воскресенье сентября у нас называется «воскресенье чемоданов». С утра на площади стоит автобус — один на весь город, и водитель его, Пепе, человек терпеливый, как все, кто имеет дело с летними, — и город выносит, везёт, подкатывает чемоданы, корзины, зонты, картонки с персиками, которым всё равно не доехать целыми. Летние уезжают, как приезжают, — шумно, с поцелуями, с обещаниями писать, — и к полудню от них остаются только следы сандалий на пыли да запах чужого мыла в комнатах, которые надо проветривать.

Я люблю этот день, хоть по нему и скучаю. Город весь год работает на чужих — кормит, возит, сдаёт, улыбается, — и только в это воскресенье получает себя обратно. К вечеру ставни закрываются иначе, разговоры на калате становятся длиннее, и старшина Дори впервые за лето садится за свой столик в «Moderno» не проверяя, не занято ли он гостями.

В то воскресенье уезжали все, кроме одной.

Синьора Нора жила в «Bellavista» у Ольги с июня — приезжала и прежде — сперва с мужем, а как его не стало, одна, — из Турина; женщина лет под шестьдесят, с блокнотом, с лупой и с манерой задавать вопросы, от которых человек сперва чувствует себя глупо, а потом умно. Она писала что-то про травы — я не уточнял, почтальону не положено; я видел только конверты, толстые, в университет. И вот, когда Ольга начала собирать ей вещи, синьора Нора сказала:

— Ольга, я остаюсь. Мне нужна эрика.

— Эрика, — повторила Ольга так, как повторяют слово, которое подозревают в шутке.

— Вереск. Он у вас цветёт в конце сентября. Я не уеду, не увидав, как цветёт ваш вереск.

Так и осталась. Город обсудил это за один вечер и решил, что женщина с головой: вереск у нас и впрямь стоит того, чтобы его ждать, а то, что его ждёт чужая, — только подтверждение.

Тем же вечером я видел Тито Паради — увидеть его в тот день было так же неизбежно, как автобус. Тито был старший в артели после Дори, человек обаятельный, как солнце, и заботливый, как полив: без спросу и насквозь. Он нёс два чемодана сразу, командовал погрузкой, кричал Пепе, что тот вечно трогается рано, хотя Пепе трогался по расписанию с незапамятных времён. Старухе Джакомине он сунул в трюм корзину с рыбой — «сыну в Геную, и не смей съесть сама, я проверю»; молодой Валерии, которая уезжала в учительницы, прокричал вслед, что в городе её просвирня, а здесь её дом. Все смеялись, все ему прощали: Тито был из тех, о ком говорят «у него руки злые, а сердце доброе», имея в виду, что он поможет всегда, но так, что ты три дня будешь помнить, как именно он помог.

А у фонтана стоял Момо. Момо был наш ремонтник — точил ножницы, чинил зонты, а в остальное время водил детей и носил мулам хлеб. Меня он тоже водил когда-то — я, кажется, из его последних детей. Дети в тот вечер висели на нём, как гроздь: у кого-то уезжал друг, у кого-то кузина, и Момо утешал их по очереди, показывая на ладони каштанового человечка с бородой из мха. К нему подвели и мула Донато — хозяин уезжал на неделю к сестре, и мул был мрачен. Момо выслушал его с серьёзным лицом, подержал за морду и дал хлеба.

— Он понимает, — сказал мне Момо. — У него друг уезжает. Мулы грустят, только не показывают, они гордые.

Город затихал. Я запирал почту, когда мимо прошла сеньора Нора — со своим блокнотом, уже по-зимнему неторопливая. Она остановилась, посмотрела на опустевшую площадь, на гору, где начинали дымить вечерние кухни, и сказала — не мне, а так, в воздух:

— Вот теперь видно, какой вы город.

И она была права, хоть и не знала ещё, насколько. А мы не знали вообще ничего: что через три недели весь этот вечер будет называться у нас «до случая», и что каждый, кто был на той площади, станет потом вспоминать его по камешку, как вспоминают последний тихий день перед бурей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.